

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                               |     |
|-----------------------------------------------|-----|
| Глава 1, подстольная.....                     | 5   |
| Глава 2, допросная.....                       | 15  |
| Глава 3, семейственная.....                   | 29  |
| Глава 4, мотивационная.....                   | 46  |
| Глава 5, компрометирующая.....                | 60  |
| Глава 6, подкроватная.....                    | 73  |
| Глава 7, матримониальная.....                 | 84  |
| Глава 8, переговорная.....                    | 99  |
| Глава 9, сватовская.....                      | 115 |
| Глава 10, отравительная.....                  | 128 |
| Глава 11, дружеская.....                      | 136 |
| Глава 12, кровопускательная.....              | 146 |
| Глава 13, трогательная.....                   | 163 |
| Глава 14, хлебосольная.....                   | 176 |
| Глава 15, постельная.....                     | 186 |
| Глава 16, светская.....                       | 194 |
| Глава 17, ржательная.....                     | 209 |
| Глава 18, эфирная.....                        | 219 |
| Глава 19, созерцательная.....                 | 228 |
| Глава 20, конно-яблочная.....                 | 238 |
| Глава 21, бутербродная.....                   | 248 |
| Глава 22, льстительная.....                   | 259 |
| Глава 23, разведывательная.....               | 271 |
| Глава 24, двуличная.....                      | 279 |
| Глава 25, разговорная.....                    | 288 |
| Глава 26, поразительная (или поражающая)..... | 300 |
| Глава 27, драматическая.....                  | 311 |
| Глава 28, трогательная.....                   | 318 |
| Глава 29, долгая и счастливая.....            | 332 |

## ГЛАВА 1, подстольная

«Леди всеми силами должна избегать компрометирующих ситуаций. Но если избежать не удалось — нужно постараться хотя бы получить удовольствие».

*Справочник настоящих леди,  
издание шестое, феминистическое*

Всякий студизус и преподаватель в Королевской Магической академии знал, что не стоит подходить к ректору Миль-Авентису с глупостями. Да и в целом подходить не стоит — если ему понадобится, будь уверен, дракон сам тебя найдет. Даже если ты из чувства самосохранения спрячешься под водой у русалов или в горных пещерах гномов.

Все также знали, что ректора бесполезно уговаривать, шантажировать, угрожать ему, подкупать и соблазнять, ибо оный обладает невероятным могуществом, абсолютной нечувствительностью к попыткам его растрогать и едким остроумием. Знали, но все равно пытались. Потому что фатально ректор никого не наказывал. Так, превратит на неделю в кошку или в фигурку на больших часах Академии, чтобы ты дурным голосом возвещал полдень. На худой конец сошлет на практику к целителям, в качестве наглядного пособия, а то и в некрмансерскую.

— А если и там что-то натворите, то перейдете из уборщиков в подопытный материал, — обещал

он, щуря желтые глаза. И ему верили. Умел дракон Миль-Авентис быть убедительным.

И жаловаться было бесполезно — хоть Магическая Академия и располагалась в столице Эринетты Веншице, но считалась государством в государстве, а ректор был в нем единоличным правителем и подчинялся только ее величеству Миррей. Ну как подчинялся... Даже самые непроницательные подданные, понаблюдав за общением этих двоих, понимали, что он только делает вид, что подчиняется, а королева, умнейшая женщина, делает вид, что верит. Эти двое очевидно симпатизировали друг другу: Миль-Авентис откровенно высказывал свое восхищение, королева не оставалась равнодушной к проявлению внимания. Муж ее, магистр и боевой маг Корнелиус Фрай, при этом делал вид, что не ревнует, и вся троица испытывала огромное удовольствие от общения.

Около трех лет назад, когда ее величество Миррей, королева Эринетты, предложила дракону Миль-Авентису возглавить Академию (старый ректор просился в отставку), воспряли все — и студенты, и преподавательский состав. Пусть драконов видели редко, а последние десятилетия и вовсе почти не видели, все знали, что твари сии, хоть и могущественны, но дурашливы, как дети, внезапны, как ветер, и очень любят золото. Тем более что новоиспеченный ректор никакими научными регалиями не обладал, а в управлении академией понимал меньше, чем ничего. Это позволяло проректорам, деканам и прочим профессорам надеяться на то, что его правление станет совершенно номинальным, а власть можно будет поделить между достойными людьми и нелюдьми.

Студенты же надеялись, что строгость, которую поддерживал старый ректор, архимагистр Велейн, скоро закончится, и начнется развеселая жизнь с прогулами, взятием левых заказов, пьянками в кампусе и прочими прелестями.

Как же все ошибались.

Дракон, который с первого появления в академии очаровал и успокоил всех беззаботностью и некоей даже рассеянностью, почти два месяца провел в компании старого ректора, который растолковывал, сколько всего нужно делать на этой должности. Когда Миль-Авентис не внимал премудростям, изучая записи предшественников, он либо присутствовал на лекциях преподавателей той или иной кафедры, либо обходил в сопровождении хозяйственных рабочих каковую-либо часть академии.

— Сразу видно, кто занят, а у кого много свободного времени, — ворчали старенькие профессора, которые не могли теперь подремать на лекциях, дав студентам самостоятельно изучить главу в учебнике. И были правы — у драконов как у условно бессмертных существ времени было очень много.

Миль-Авентиса встречали и в дальних каморках библиотек, где пылились бесценные древние свитки, которые теперь никто не мог прочитать, а оттого все считали рухлядью, кроме ценивших их за вкусовые качества крыс. Видели его и в столовой, пробуя еду студиязусов, и на большой кухне (говорят, повар, орк Винсу, принял дракона за нарушителя-адепта и гонял поварешкой), и на задворках академического парка, и в кампусе, и на крепостных стенах или у водоводных систем.

За эти два месяца нового ректора стали считать кем-то вроде блаженного или одного из местных призраков, которые присутствовать присутствуют, но не мешают, да и толку от них нет. Выглядел дракон с молодым и наглым лицом, светлыми волосами, завязанными в хвост, белыми свободными рубашками и кожаными штанами скорее как бард, чем как почтенный научный муж.

Каково же было разочарование всего академического сообщества и околонуального народа, когда после пышных проводов старого ректора, который на

радостях, что стряхнул с себя груз обучения балбесов, уезжал на моря, Миль-Авентис вдруг начал мягко, но неумолимо закручивать гайки.

В супах в столовой появилось больше мяса, а на лицах поваров — уныния. Садовники, лениво подстригавшие ранее один куст в неделю, вдруг шустро, за месяц, привели весь парк в порядок. В кампусе прекратились пьянки, потому как принесенный алкоголь на территории академии (за исключением административного корпуса) превращался в молоко, и студенты ходили несчастные, а местные коты, ежи и молочные грибы в оранжерее — счастливые. Кастелян, успевший за время службы сбыть налево все, что было плохо прибито, почти перестал воровать, и не перестал совсем только из любви к искусству.

Домовые духи, брыки, которые должны были поддерживать академию в приличном состоянии, вдруг засуетились, и через неделю из всех углов исчезла паутина и целующиеся студенты, гобелены засияли чистотой, а старые доспехи при вселении призрака не скрипели теперь, а прилично позванивали.

Но самым вопиющим было то, что дракон вывесил специальный указ — отныне и навсегда студент оценивается только по наличию у него знаний, а не денег, личной армии у ворот академии или политического веса родственников. И если заваливает экзамены, деньги и влияние его не спасут.

А ежели кто против — пусть приходит общаться с самим Миль-Авентисом.

К нему приходили, его уговаривали, ему угрожали, сулили богатства и клялись убить — но мало-помалу учебный процесс пришел в норму, и студенты стали чудить в рамках дозволенного.

Не все преподаватели оценили нововведения, ибо звонкая монета — хороший аргумент для повышения оценки в табеле. Но после того, как дракон мановением руки превратил насланный на него разгневанным родителем отряд горгулий в стаю бабочек, а отборные

наемники-убийцы при приближении к дракону все как один стали вести себя как трехлетние застенчивые девчушки, потому что в один миг так себя и ощутили, даже самые любящие родители и самые алчные профессора прекратили попытки нарушить драконий запрет. Дольше всех не сдавались языкастые и ядовитые, рассудив, что за глаза и короля ругают, но после того, как обнаружили, что вместо язвительных речей изо рта вырывается шипение и в резцах подозрительно свербит, вроде как при выделении яда у гадов, благодарно присмирели.

Так Королевская академия магии из первоклассной стала образцовой. Однако, наладив работу, ректор заскучал и год назад улетел вместе с организованной королевой Эринетты экспедицией на дирижаблях, чтобы исследовать соседний континент, Лерден. После этого в академию успело поступить достаточно юных оболтусов обоих полов и всех рас, которые слушали истории об *очень особом* характере ректора как байки и жили непугаными. И теперь, в середине апреля, когда Миль-Авентис вернулся к концу учебного года, ему уже несколько недель как приходилось восстанавливать реноме, потому что сладу с первокурсниками не было никакого.

Королеве тоже пытались жаловаться — ибо под воспитующую длань дракона попадали все: и простолюдины, и аристократы. Не делал он исключения ни для одной из рас многорасовой Эринетты — а проживали в государстве и люди (или людины, как их называли нелюди), и орки, и эльфы, и гномы, и дриады, и русалы, и оборотни-волки, а также множество других разумных и полумразумных рас. Пару раз даже мог случиться международный скандал — ибо Академия считалась одной из лучших и учиться в нее приезжали и аристократы из соседних государств. Но Миррей ласково просила у жалобщика показать ей табель пострадавшего адепта, а затем интересовалась, подписывали ли при поступлении договор о том, что

к обучающему могут применять любые меры воспитания, не угрожающие жизни и рассудку.

— Как я вижу, — величаво говорила она, — успеваемость вашего отпрыска улучшилась в разы. Значит, методы архимагистра Миль-Авентиса работают, а практика в целительстве еще ни одному благородному лерду не мешала, — добавляла она, для убедительности сверкая клычками, и жалобщик удалялся несолоно хлебавши, не посмев возразить, что дитя в целительстве было вовсе не целителем, а в лучшем случае санитаром.

Шептались, но очень тихо, так, чтобы до мужа королев, магистра Фрая, не дошло, что она так благосклонна к дракону, мало походившему на почтенного и преданного науке старца-ректора, из-за того, что он — ее любовник. Но по понятной причине, никто подтвердить слухи не мог. Как и опровергнуть.

Магистр Тиана Риваль вспоминала все это, сидя под столом в ректорском кабинете. Старший преподаватель кафедры целительства, преподаватель зельеварения и травоведения и сотрудник академического госпиталя, она пришла работать в университет незадолго до смены начальства и с тех пор регулярно-принудительно занималась перевоспитанием студентов, попавших под тяжелую лапу дракона.

— По задумке, именно они должны быть жертвами пенитенциарной системы, — со вздохом говорила она коллеге по несчастью, целительнице-эльфийке. — Так почему каждый раз я ощущаю себя так, будто ректор отправил на каторгу лично меня?

Кошки из проштрафившихся студиязусов получались на редкость бестолковые, к лотку и блохам не приученные, оружие под окнами еще громче настоящих. К тому же любовь к пиву никуда не девалась, трансформируясь в любовь к валерьянке, поэтому кошки делали набег на оранжерею леди Тианы, а затем орали пьяными голосами. Волшебница рас-

колдовывала их тайком раньше установленного срока и отправляла мыть пробирки и реторты, драить полы в лечебнице и выносить всякий неприятный мусор после перевязок и операций, то есть извлекала из невинных страдальцев хоть какую-то пользу. Вряд ли ректору понравилось бы ее самоуправство.

Так что леди Тиана знала точно, попадись она сейчас — и, возможно, родовая защита не поможет. Проверять, может ли один дракон взломать защиту, поставленную другим, ей не хотелось — а то вдруг получится, и он ее в тварюшку какую превратит. А не получится — уволит и отправит к оркам в ссылку.

«Или просто сожрет», — уныло подумала леди Риваль, слушая легкие мужские шаги из своего укрытия.

Даже безбашенные студенты не осмелились бы влезть в самое опасное место Эринетты, в кабинет к ректору, — так как прекрасно знали, что драконы — территориальные существа и за проникновение на свою территорию могут и откусить какую-нибудь значительную часть тела. Мэтрис Тиана всеми частями тела дорожила, поэтому и сидела сейчас под ректорским столом, накрыв себя двойным пологом невидимости — от обычного и магического зрения.

И что дракону понадобилось в кабинете в четыре утра? Она была уверена, что не задела никаких защитных струн — амулет-взломщик, доставшийся наследнице опального герцогского рода, работал исправно, делая носителя невидимым для охранных систем любой сложности. Ти только-только успела найти сейф, когда услышала, как едва слышно скрипнула дверь в приемной.

Целительница еще понадеялась, что это какой-нибудь из местных призраков (а с ними можно договориться) — но охранные нити полыхнули золотом, как всегда бывает в присутствии хозяина, и она в страхе нырнула под стол. И только потом сообразила, что лучше бы за занавеску или за диван, потому что вряд ли

дракон решит любоваться лунной ночью, а вот за стол он сядет обязательно.

Но было поздно — и она забилась в угол, хотя при ее росте занять мало места было нереально.

Дверь открылась. На миг шаги замерли, послышалось хмыканье, от которого Тиана вздрогнула. Зажегся свет.

Неужто обнаружил?

Шаги приблизились... и остановились. Раздалось звяканье, звук льющейся жидкости — и леди Риваль осуждающе поджала губы, ибо единственным льющимся веществом в кабинете был орочий ковыльяк в хрустальном графине.

«Благородный лерд не употребляет алкоголь до обеда, — словно наяву услышала она наставление бабушки, — а вот благородной леди можно в утренний кофе две ложечки рома для блеска глаз. Или шесть — если с утра нужно укрепить нервы».

Мэтрис Тиана не отказалась бы сейчас от шести ложечек рома. Да и от шестидесяти шести, если уж быть совершенно честной, не отказалась бы.

— Так-так-так, — раздался глубокий драконий голос. — Что я вижу... Кто-то трогал мои картины?

Снова раздались шаги, шуршание — из-под стола магистр видела, как ректор поправляет картины. Его светлые волосы были небрежно собраны в хвост, походка казалась мягкой, — Тиана про себя ее называла змеиной, — да и в целом ректор со спины, в обтягивающих брюках и светлой рубаше, выглядел очень внушительно. При взгляде на широкие плечи сразу вспоминалось, что он и без магии может выбросить нарушителя в окно. Когда захочет.

— Кто-то открывал мои книжные шкафы, — продолжал ректор словно бы даже с удовольствием.

У Тианы было ощущение, что дракон цитировал детскую сказку про Мегги и трех грифонов.

«Хорошо, что ковыльяк я не трогала», — подумала она, услышав, как снова наполняется стакан. От нервов

у нее чесалось в носу. Был у Тианы такой странный симптом — когда она переживала, начинала звонко и неудержимо чихать.

Шаги, удалившиеся было в сторону полок, снова затихли рядом. Над головой целительницы стукнул по дереву столешницы стакан.

— Кто-то сидел в моем кресле, — добавил дракон и это самое кресло отодвинул, заглядывая под стол. Глаза у него были желтые, змеиные.

Тиана затаила дыхание, забыв даже про свербящий нос, — на ректорской шее среди множества кулонов, золотых медальонов и амулетов висел он! Артефакт ее семьи, подло украденный пять лет назад из сокровищницы нечистым на руку слугой и так нужный сейчас! Значит, он не в сейфе, как она понадеялась, а там, где она совершенно случайно увидела его после долгих тщетных поисков по всей столице, — на шее у ректора после его возвращения из экспедиции несколько недель назад.

С тех пор приличная, скромная и тихая старая дева леди Риваль, которая с растениями разговаривала больше, чем с людьми, переквалифицировалась из целительницы в шпиона.

Амулет ей был очень нужен! И она, почти забросив работу в оранжерее, следила за начальником и строила планы, как завладеть амулетом. Подкрасться сзади, стукнуть по голове и снять? Усыпить, подсыпав снотворное? Оно у Тианы было — но кто знает, как снадобья влияют на драконов? Дождаться, пока украшение дракону наскучит и он его снимет, — а там уже обыскать кабинет или пробраться в замок, который ему подарила королева. Или — тут леди Риваль краснела — соблазнить и снять со спящего?

Соблазнение она представляла смутно, в основном по любовным романам, которые тайно брала в библиотеке и прятала от бабушки. Один раз во время учебного совета она попыталась улыбнуться дракону и построить глазки, на что жертва соблазна озабоченно